

Веч. клуб. - 2003 - 11 дек. - с. 10

БАЛКОН ТАНЦУЕТ

Кто только ни приложил руку к этому спектаклю, сколько версий ни выдвигал балетоман! Лавровский, Кранко, Макмиллан, Бежар, Нуреев, Прельжокаж... Ныне свое прочтение предлагают известный драматический режиссер Деклан Доннеллан и молодой хореограф Раду Поклитару. Ни один из критиков пока не берется предсказывать, что из этого получится, хотя слухов и домыслов уже огромное количество.

На постановку брошены лучшие силы труппы. Самое яркое открытие последнего московского балетного конкурса, мастер ироничной миниатюры и юмора Поклитару подготовил немало сюрпризов. Сообщаем для любителей красивых стоп – версия босоногая (что само по себе отдает модернизмом). Зрителю, кроме известных артистов, будет явлено немало новых имен. Назовем их: Ян Гедевский и Денис Савин (Ромео), Мария Александрова и Анастасия Меськова (Джульетта), кроме того, в спектакле заняты Илзе Лиєпа, Денис Медведев, Марк Перетокин, Александр Петухов.

Накануне премьеры нашему корреспонденту удалось взять интервью у балетмейстера-постановщика **РАДУ ПОКЛИТАРУ**

— «Ромео и Джульетта» для вас — это всего лишь заказ Большого?

— Не только. Я давно мечтал поставить этот балет. Знаете, это желание на уровне мании, мне очень нравится музыка.

— Но ее-то вы как раз подсократили.

— Балет Прокофьева в четырех актах и девяти картинах — дряблая форма, зритель сегодня больше двух актов не выдержит. Я попытался сделать спектакль динамичней, а музыкой пожертвовал лишь той, что не укладывалась в рамки истории.

— У вас какая-то своя история?

— Нет, это Шекспир. Но авто-

ФОТО ИГОРЬ ЗАВАРКИНА / БОЛЬШОЙ ТЕАТР РОССИИ

В Большом театре премьера балета Прокофьева «Ромео и Джульетта»

рское прочтение. Можно по-разному расставить акценты, укрупнить сюжетные линии. Это как у дирижера, всегда свое прочтение музыки.

— Говорят, у вас в балете три главных персонажа, кто третий?

— На первом плане, конечно, главные герои. Но и балкон танцует. Это символ разъединения.

— Это уже что-то провокационное?

— Провокация — неверный путь. Есть более важные вещи:

талант автора, глубина прочтения, наконец, трогает или не трогает. А если еще что-то и шокирует, то это блестяще. Но когда поставлено ужасно, никакой шок не спасает.

— И все-таки весь ваш балет авангардный?

— Мне Доннеллан рассказывал, что, занимаясь Шекспиром уже тридцать лет, он слышит, как в Лондоне каждый придумывает авангардный ход — раздеть главных героев и показать их обнаженными в постели. Это уже ста-

ло клише. Авангарднее, когда герои одеты.

— Как работало с Декланом Доннелланом?

— Хлопотно, не очень удобно, но продуктивно. Мы оба выдвигали идеи. Но, конечно, мой спектакль был бы другим. Я хотел историю впихнуть в систему координат балетного видения. Деклан своей неосведомленностью в балетном прочтении ближе к Шекспиру. Он специалист по Шекспиру. Но он понимает специфику балета, ведь главное средство тут танец. Прекрасно, что Доннеллан лишен тех штампов, что заложены в балетном человеке.

— А хореография — модерн, современный танец или смесь с классикой?

— Я использую все, что мне надо. Кроме классики, я в своей жизни ничему не обучался. Никаким системам, хотя меня упорно приглашали на мастер-классы. Я знаю эти системы как зритель, но изнутри не изучал. Боялся учиться. Мне нравятся слова Матса Эка: «Каждый хореограф должен искать свой язык». Сегодня система — это почерк хореографа. Например, Форсайта. Это невозможно продолжать, это что-то сродни искусству Айседоры Дункан.

— Зная распределение ролей, мне показалось, что вы поменяли амплуа танцовщицам Большого.

— Я просто иначе вижу персонажей. Почему Меркуцию всегда маленький Ромео, просто веселый и никого не любит? И почему Тибальд всегда Ротбарт из «Лебединого»?

— Еще одна интрига — все танцуют босиком?

— Да, на пальцы не встают. Но провокации тоже нет. Ведь и на пуантах может быть ересь, а в валенках может быть интересно...

Беседовал
Александр ФИРЕР